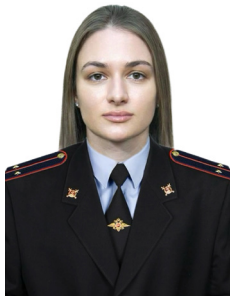

УДК 343.851

Екатерина Романовна СИМОНЧУК,

адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета
МВД России

mac7sim7@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОБАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИСПРАВЛЕНИЕ», «РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ»
И «КОРРЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ»**

**THEORETICAL LAW BASIS AND LEGAL NATURE OF PROBATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION: CORRELATION OF THE CONCEPTS
OF «CORRECTION», «RESOCIALIZATION»
AND «CORRECTION OF SOCIAL BEHAVIOR»**

В статье проведен анализ нормативных правовых актов, составляющих правовую основу probation в Российской Федерации. Определены некоторые вопросы, не получившие в настоящее время законодательного регулирования, в числе которых право амнистированных на постпенитенциарную probation, определение правового статуса центров probation, необходимость осуществления контроля за лицами, в отношении которых применяется probation. Сделан вывод о рамочном характере Федерального закона «О probation в Российской Федерации». Автором предпринята попытка разграничения терминов, определяющих цели уголовно-исполнительного законодательства, применения наказания и реализации мер probation: раскрыто содержание понятий «исправление», «ресоциализация» и «коррекция социального поведения». Исходя из проведенного исследования правовой природы probation предлагается вариант определения данного понятия с учетом положений отечественного законодательства.

The article analyzes the regulatory legal acts that form the legal basis for probation in the Russian Federation. Some issues that have not currently received legislative regulation have been identified, including the right of amnestied persons to post-penitentiary probation, the determination of the legal status of probation centers, and the need to monitor persons against whom probation is applied. A conclusion about the framework nature of the Federal Law «On Probation in the Russian Federation» was made. The author attempts to distinguish between terms that define the goals of penal legislation, the application of punishment and the implementation of probation measures; and to determine the content of the concepts of «correction», «resocialization» and «correction of social behavior». Based on the study of the legal nature of probation, a variant of the definition of this concept is suggested, taking into account the provisions of domestic legislation.

Ключевые слова: probation, исправление, ресоциализация, коррекция социального поведения, предупреждение преступлений, уголовно-исполнительная политика.

Keywords: probation, correction, resocialization, correction of social behavior, prevention of crimes, criminal executive policy.

Основополагающим нормативным правовым актом, обеспечивающим упорядочение общественных отношений в сфере пробации, в отечественной системе законодательства является Конституция РФ, провозглашающая в качестве высшей ценности в стране человека, его права и свободы. Статья 7 закрепляет за Россией статус социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Несмотря на наличие конфликтной ситуации и очевидных противоречий между государством и лицом, преступившим закон, в отношении последнего не может применяться наказание, связанное с причинением ему физических или нравственных страданий (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ). Пенитенциарная политика Российской Федерации не преследует карательных целей, напротив, государство при реализации уголовно-исполнительной политики стремится к исправлению преступников и недопущению совершения ими рецидивных преступлений.

Однако при содержательном анализе профильных нормативных правовых актов – УИК РФ, УК РФ и Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» – обнаруживается расхождение в целях уголовно-исполнительного законодательства, целях применения наказания и целях реализации пробационных мер. Так, общей для пробации (ст. 4 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»), применения наказания (ст. 43 УК РФ) и уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ) является лишь цель предупреждения совершения новых преступлений, при этом для пробации это индивидуальная профилактика – предупреждение совершения новых преступлений лицами, в отношении которых применяется пробация. Исправление осужденных является целью наказания и уголовно-исполнительного законодательства, а в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» термин «исправление» фигурирует лишь один раз в определении содержания «пенитенциарной пробации». Специфической же целью пробационной деятельности является

«коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация» (ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»).

Указанное терминологическое несовпадение целей применения наказания и реализации пробации как основных видов деятельности, определяющих во многом содержание уголовно-исполнительной политики, актуализирует теоретико-правовой вопрос о соотношении понятий «исправление», «ресоциализация» и «коррекция социального поведения».

Термин «исправление» определен законодателем в ст. 9 УИК РФ как «формирование у них [осужденных – прим. авт.] уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Из данного определения можно выделить два аспекта, характеризующих «исправленность» осужденного: 1) его перевоспитание, предполагающее усвоение новых для индивида ценностей и норм поведения, а также сопутствующий отказ от прежних личностных установок, что с точки зрения социологии может быть определено как «ресоциализация» («ресоциализация – вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого прежде» [2, с. 692]); 2) недопущение совершения им новых преступлений.

В юридической литературе встречаются подходы, акцентирующие внимание на первом из названных аспектов – нравственном исправлении осужденного. Так, А.А. Пионтковский под исправлением понимал «переделку сознания человека, его мировоззрения, его привычек и навыков» [5, с. 45], М.Д. Шаргородский – изменение мотивов поведения лица и возникновение новых внутренних систем условий [15, с. 38], И.С. Ной – «переделку личности осужденного, при которой нового преступления он не совершит не из страха перед наказанием, а потому, что это оказалось бы в противоречии с его новыми взглядами и убеждениями» [7, с. 114], Ф.Р. Сундуков – «особый педагогиче-

ский процесс, предполагающий разрушение у осужденных негативных, антиобщественных свойств и проявлений и формирование у них социально полезных качеств» [12, с. 15.]. Бесспорным является суждение О.В. Стрильца о том, что «процесс изменения нравственных ориентиров не бывает быстрым и легким» [11, с. 43], что требует от уполномоченных субъектов терпения и индивидуализации проводимых мероприятий. Ключевую роль в данном случае будут играть психолого-педагогические методы работы, предполагающие воздействие на ценностно-смысловую сферу личности.

Однако отметим, что цель исправления заключается прежде всего в формировании законопослушного гражданина, а не в простом привитии высоких морально-нравственных качеств личности. Ведущая задача – воспитание у осужденного уважительного отношения к праву, что проявляется в воздержании от нарушения впоследствии норм законодательства. Таким образом, более корректным нам представляется двойственный подход к правовой категории «исправление», предполагающий как нравственное, так и юридическое исправление личности.

Временные рамки исправления не ограничиваются периодом нахождения лица в учреждениях уголовно-исполнительной системы. После освобождения процесс изменения нравственных установок личности продолжается, иными становятся интенсивность и субъекты осуществления психологического воздействия. «Исправление будет считаться законченным, если новый способ поведения укрепит настолько, что станет естественным» [8, с. 53]. Добавим, что завершение исправления может быть установлено лишь по достижении целей данной деятельности, а в настоящий момент общепринятых критериев, свидетельствующих об исправлении лица, как и универсальной методологии оценки данного показателя, не разработано. Возможные варианты высказываются как представителями юридической науки, так и психологами – вопрос вызывает исследовательский интерес у представителей различных сфер, но на законодательном уровне их предложения пока не получили закрепления.

Из УИК РФ в качестве критериев исправления можно выделить обстоятельства, учитываемые при изменении вида исправительного учреждения, корректировке условий содержания, расширении прав или наложении ограничений в соответствии с мерами поощрения и взыскания [14, с. 55]: отношение к режиму, труду, обучению, восприятие наказания, оценка совершенного преступления и иные аспекты. Однако они в полной мере не раскрывают степень исправления лица, поскольку образцовое поведение в период отбывания наказания не гарантирует законопослушного поведения лица при возвращении его в социум, что актуализирует вопрос последующей его ресоциализации.

В юридической литературе нет единства в вопросе определения соотношения «ресоциализации» и «исправления»: данные понятия рассматриваются как часть и целое (В.Е. Южанин), как процесс и результат (М.С. Рыбак) или как самостоятельные этапы реализации уголовной ответственности (Н.А. Стручков) – «отсутствует концептуальная ясность в понимании этих процессов» [1, с. 217]. Опираясь на законодательное определение «ресоциализации», содержащееся в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 25) и Федеральном законе «О пробации» (п. 5 ч. 1 ст. 5), отметим тесную взаимосвязь, содержательное сходство, но не идентичность рассматриваемых явлений.

Различие заключается прежде всего в целевом аспекте. Являясь средствами достижения глобальной цели в виде предупреждения рецидивной преступности, исправление и ресоциализация преследуют различные промежуточные цели: для исправления – это формирование устойчивых внутренних установок личности, определяющих уважительное отношение осужденного к закону и не позволяющих ему впоследствии пренебрегать нормами права. Ресоциализация ориентирована на приобретение ценностей, обеспечивающих эффективность преимущественно внешнего взаимодействия осужденного с социумом, – на «реинтеграцию в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся

иным мерам уголовно-правового характера» (ст. 25 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

Из этого следуют различия в мерах, предпринимаемых в рамках исправления и ресоциализации. Для оказания влияния на внутреннюю мотивационно-волевую сферу личности используются средства педагогического характера: режим, общественно полезный труд, воспитательная работа, образование и обучение, общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). В целях реинтеграции осужденного в социум и изменения проявлений его поведения вовне могут также применяться меры социально-экономического и правового характера (например, содействие в решении вопросов бытового и трудового устройства, получении документов, оказание юридической помощи и др.), не предполагающие изменение нравственных установок личности, но способствующие более комфортному возвращению лица в общество.

С точки зрения временного аспекта ресоциализация не следует за исправлением, как может показаться на первый взгляд, и начинается она не в момент приспособления осужденного к жизни в обществе после освобождения. «В более узком смысле ресоциализация предполагает усвоение индивидом ценностей и норм, радикально отличающихся от освоенных ранее. Такой ресоциализации предшествует разрушение ранее принятых ценностей и моделей поведения личности» [3, с. 297-298]. По этой причине отправной точкой ресоциализации является поступление лица, преступившего закон, в поле зрения правоохранительных органов. Каждый последующий этап взаимодействия с уполномоченными субъектами будет направлен на формирование у данного лица устойчивого стремления к удовлетворению личных потребностей строго в рамках закона. «Особое значение приобретает этот процесс при поступлении осужденного в исправительное учреждение» [11, с. 45].

Процесс социализации начинается в момент рождения человека и продолжается всю его жизнь. По этой причине установить момент окончания ресоциализации («повторной

социализации») независимо от того, принудительная она или добровольная, также не представляется возможным. В случае с ресоциализацией осужденного показателем того, что человек приобщился к чуждым для него ранее нормам и ценностям социума, может выступать законопослушный образ жизни и отсутствие преступных и антиобщественных действий с его стороны.

Отметим, что реализация процессов исправления и ресоциализации не является исключительным правом и обязанностью государственных органов и должностных лиц – в данной работе возможно и необходимо активное участие общественности. Помимо непосредственного воздействия на осужденного, важно распространять среди населения идею терпимости и толерантности по отношению к лицам, освободившимся из мест лишения свободы, для снижения уровня стигматизации бывших заключенных.

Термин «коррекция социального поведения» в отечественном законодательстве встречается лишь в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации», но содержание его ни в тексте данного документа, ни в иных нормативных правовых актах не раскрывается. «Коррекция» (от лат. *correctio* – «исправление») обозначает прежде всего процесс изменения, приведения чего-либо к требуемому состоянию. В социологии термин «социальное поведение» понимается «как активная форма преобразования социальной среды, как осознанное мотивированное действие индивидов или социальных групп, возникающее для удовлетворения определенных потребностей и достижения поставленной цели» [6, с. 23]. Следовательно, изменению в рамках деятельности уполномоченных субъектов в данном случае будут подвергаться не только действия лица, но и его внутренние мотивы и ценности, определяющие выбор средств удовлетворения потребностей и достижения целей. Таким образом, по содержанию и целевому аспектам термин «коррекция социального поведения» близок к «ресоциализации», однако по форме обозначаемых явлений имеется расхождение: первым из названных именуют процесс изменений, вторым – как процесс изменений и

комплекс осуществляемых мер, так и результат трансформации личности.

Описанная проблема множественности сходных терминов встречается не только в уголовно-исполнительном законодательстве. Предпринимаемые представителями научного сообщества попытки разграничить понятия «исправление», «ресоциализация» и «коррекция социального поведения» лишь увеличивают количество подходов к раскрытию содержания данных правовых категорий, что, в свою очередь, может негативно сказаться на правоприменительной практике. «При рассмотрении различных аспектов ресоциализации осужденных установлена ее ненадлежащая теоретическая разработанность» [10, с. 434], что применимо и к двум другим названным понятиям.

Качество нормативных правовых актов определяется в том числе однозначностью содержащихся в них формулировок, не допускающих свободные интерпретации. Принцип правовой определенности является одним из важнейших в юридической технике, а в данном случае обнаруживается «неконкретизация понятийно-терминологического аппарата» [4, с. 34], используемого законодателем для раскрытия целей применения наказания и реализации пробационных мероприятий. Для преодоления выявленных противоречий и повышения эффективности probation, как отмечают П.В. Тепляшин и А.С. Сергиенко, необходимо закрепление на уровне подзаконного (ведомственного) нормотворчества рабочего определения коррекции социального поведения применительно к задачам probation [13, с. 99].

Определяя далее правовую основу probation, отметим, что вопросы организации трудовой деятельности, получения профессионального образования осужденными в период отбывания наказания, а также воспитательная работа с ними, то есть средства исправления (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) и значимые составляющие пенитенциарной probation, регламентируются в УИК РФ и ведомственных приказах (приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. N 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применя-

ется probation в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»)). Федеральный закон «О probation в Российской Федерации» содержит лишь бланкетную норму (ч. 2 ст. 14), отсылающую к названным нормативным правовым актам. Аналогичным образом в профильном законе сформулированы положения, связанные с социальным обслуживанием граждан (п. 3 ч. 1 ст. 8), с организацией занятости лиц после освобождения (п. 1 ч. 1 ст. 9), с оказанием юридической (ч. 4 ст. 23) и медицинской (ч. 1 ст. 26) помощи в рамках постпенитенциарной probation. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о рамочном межотраслевом характере Федерального закона «О probation в Российской Федерации».

Кроме того, сохраняются вопросы, которые не получили ответа в профильном законодательстве, например, право амнистированных на постпенитенциарную probation, соотношение пробационных мер и надзора за условно-досрочно освобожденными в связи с закреплением в УИК РФ в феврале 2026 г. права ФСИН России на осуществление надзора за данной категорией лиц (отметим, что передача данных полномочий от МВД России во ФСИН России произошла еще в 2021 г., но в УИК РФ соответствующие изменения внесены не были), определение правового статуса центров probation (несмотря на наличие соответствующего ведомственного акта – приказ Минюста России от 16 сентября 2024 г. N 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров probation» – вопрос остается открытым), необходимость осуществления контроля за лицами, в отношении которых применяется probation, и другие.

Правовая природа института probation в Российской Федерации отлична от имеющегося зарубежного опыта. В большинстве стран постсоветского пространства probation представляет собой институт реализации альтернативных мер наказания (не связанных с лишением свободы) и (или) осуществления пробационного контроля. В Кыргызстане и Армении на службу probation также возложены медиативные функции, чего в отечественном законодательстве не предусмотрено.

Пробация в нашей стране акцентирует внимание на оказании всесторонней помощи оказавшимся в трудной жизненной ситуации лицам, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лицам, освобожденным из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. При этом контрольные полномочия субъектов probation в законодательстве не закреплены, за исключением возможности вынесения уголовно-исполнительной инспекцией предупреждения в случае невыполнения (уклонения от выполнения) мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой (п. 6 ч. 1 ст. 28 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»). Отсутствие правового регулирования порядка осуществления probationного контроля превращает работу по коррекции социального поведения данной категории лиц в своеобразную гуманитарную помощь. В случае односторонней поддержки государства без возможности сопутствующего контроля поведения лиц, в отношении которых применяется probation, и надзора за соблюдением ими установленных ограничений достижение целей probationной деятельности представляется затруднительным.

В соответствии с положениями Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 17, 20), лицам, в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, может объявляться официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. «В связи с этим вызывает интерес сравнительный анализ правовой природы, оснований применения ответственности за неисполнение указанной меры профилактического воздействия с предупреждением, выносимым уголовно-исполнительной инспекцией, в случае невыполнения (уклонения от выполнения) мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой лицом, к которому применяется probation» [9, с. 187].

По методу правового регулирования probation относится к императивно-диспозитивным, то есть имеющим двойственную природу, правовым институтам. Императивный характер probationных отношений определяется прежде всего субъектным составом: ведущая роль при реализации мер probation принадлежит органам государственной власти и государственным учреждениям (п. 1-4 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»). Коммерческие и некоммерческие организации, общественные объединения, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, общественные наблюдательные комиссии, а также граждане не только могут привлекаться к участию в probationных мероприятиях. О наличии диспозитивных начал говорит добровольность применения probation (п. 7 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»).

По характеру содержащихся правовых норм преобладают регулятивные, устанавливающие права и обязанности участников probationных отношений. При этом в Федеральном законе «О probation в Российской Федерации» встречаются учредительные (например, ст. 27 «Центры probation», ст. 34 «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется probation» и др.) и охранительные нормы (например, ч. 1 ст. 4 – цель probation в виде предупреждения совершения повторных преступлений лицами, в отношении которых применяется probation).

Поскольку probation определена законодателем как «совокупность мер», направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации (п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»), а в последующих правовых нормах раскрывается процедура применения данных мер, по предмету правового регулирования можем

обозначить институт пробации как процессуально-процедурный.

На основе проведенного анализа правовой природы и содержания института пробации, а также нормативных правовых актов, регулирующих пробационные отношения в Российской Федерации, с учетом выявленных юридической наукой пробелов и несовершенств действующих законодательных формулировок, допустимо предложить следующее определение: «пробация – это система видов деятельности уполномоченных субъектов и индивидуально определяемых мер социально-правового характера, направленных на коррекцию социального поведения лиц, категории которых определены настоящим законом, в целях предупреждения совершения ими новых преступлений».

В отличие от определения пробации, содержащегося в п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», предложенный вариант:

- обозначает пробацию не как простую совокупность мер, а как систему взаимосвязанных элементов, что подчеркивает уровень взаимодействия субъектов пробации при разработке индивидуальных программ;

- предполагает не только меры воздействия, но и деятельность различных участников пробационных отношений, что подчеркивает многосубъектность пробации;

- содержит характеристику пробационных мер как «индивидуально определяемых», что раскрывает один из важнейших принципов пробации – «учет индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей» (п. 5 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»);

- использует обобщающую ко всему множеству проводимых мероприятий (по трудовому, жилищно-бытовому устройству, содействию в реализации образовательных программ, по оказанию медицинской, психолого-педагогической и правовой помощи) формулировку – «социально-правовой характер» мер;

- определяет направленность проводимой работы на «коррекцию социального поведения», что согласуется с закрепленной в настоящий момент целью пробации и является, по нашему мнению, наиболее подходящим

вариантом из всей совокупности существующих ныне законодательных формулировок («исправление», «ресоциализация» и др.)

- не допускает сложность законодательной конструкции в виде перечисления всех лиц, в отношении которых может применяться пробация, и описания необходимых для этого условий, взамен – отсылает к иным положениям закона («лиц, категории которых определены настоящим законом»);

- акцентирует внимание на глобальной цели реализации пробационных мероприятий в виде «предупреждения совершения новых преступлений».

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» носит рамочный межотраслевой характер, что требует дальнейшей законодательной конкретики в части закрепления права амнистированных на постпенитенциарную пробацию, определения правового статуса центров пробации и механизма контроля за лицами, в отношении которых применяются пробационные мероприятия. Целевой аппарат уголовно-исполнительного законодательства (исправление), применения наказания и реализации пробации (ресоциализация, коррекция социального поведения) терминологически не унифицирован, хотя общей для всех институтов остается цель предупреждения преступлений. Соотношение понятий может быть определено следующим образом: исправление – формирование устойчивых внутренних установок на законопослушное поведение; ресоциализация – восстановление социальных связей и реинтеграция в общество; коррекция социального поведения – изменение внешних поведенческих проявлений и внутренних мотивов личности. С учетом выявленных пробелов обоснована целесообразность законодательного закрепления определения пробации как системы видов деятельности уполномоченных субъектов и индивидуально определяемых мер социально-правового характера, направленных на коррекцию социального поведения лиц, категории которых определены законом, в целях предупреждения совершения ими новых преступлений.

Библиографический список

1. Адоевская, О.А. Исправление и ресоциализация: к вопросу о концептуальной ясности / О.А. Адоевская // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – N 2. – С. 217-228.
2. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
3. Ковалева, А.И. Ресоциализация / А.И. Ковалева, Н.А. Перинская // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – N 1. – С. 297-300.
4. Котоманова, С.С. Несовершенство юридической техники и правовая определенность в практике конституционного правосудия / С.С. Котоманова // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2025. – N 2. – С. 32-42.
5. Курс советского уголовного права. Часть общая: в 6 т. Т. 3: Наказание / ред. кол.: А.А. Пионтковский и др. – М.: Наука, 1970. – 350 с.
6. Митрюшин, С.А. Понятие «Социальное поведение» в социологической науке / С.А. Митрюшин // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2008. – N 1. – С. 21-24.
7. Ной, И.С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве: политико-юридическое исследование / И.С. Ной. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. – 193 с.
8. Ресоциализация и пробация в уголовно-исполнительных системах союзных государств России и Беларуси : учебное пособие / С.М. Казакевич, Н.В. Кийко, В.С. Шабаль и др. – Рязань: ИП Коняхин А.В., 2025. – 192 с.
9. Скиба, А.П. Направления развития Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – N 2. – С. 181-191.
10. Скиба, А.П. Ресоциализация осужденных: некоторые теоретико-правовые аспекты / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18. – N 4. – С. 434-445.
11. Стрилец, О.В. Соотношение понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине / О.В. Стрилец // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – N 2 (73). – С. 42-49.
12. Сундулов, Ф.Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителя / Ф.Р. Сундулов. – Казань: Издательство Казанского университета, 1976. – 144 с.
13. Тепляшин, П.В. Коррекция социального поведения как одна из целей пробации: научно-теоретическая интерпретация и практические вопросы / П.В. Тепляшин, А.С. Сергиенко // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2026. – N 1 (60). – С. 93-101.
14. Чопик, О.А. Критерии и степени исправления, их влияние на воспитательную работу с осужденными / О.А. Чопик, Г.Е. Шибеева // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2024. – N 4 (28). – С. 50-56.
15. Шаргородский, М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский. – Л.: ЛГУ, 1973. – 160 с.